ЯН ЭРЛЕН

ДВЕРЬ НА РАССВЕТЕ

ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ

Ян Эрлен

«Дверь на рассвете»

«Автор»
2026

Эрлен Я.

«Дверь на рассвете» / Я. Эрлен — «Автор», 2026

Триста лет Нерет живёт без солнца. В утро первого рассвета в дверь мастерской Мартена стучит отец, которого похоронили двадцать лет назад. Он по-прежнему приподнимает дверь за ручку и зовёт сына детским именем. Мартену хочется поверить, что у их семьи появился ещё один день вместе. Но по старому водосбросу уже идёт вода, а отец знает о происходящем больше, чем готов рассказать. В поисках ответа Мартен спускается к речным затворам. Там ему предстоит узнать, что удерживало город во тьме и какой ценой можно сохранить вернувшегося человека.

© Эрлен Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Цвет под дверью 5
2. Четвёртая чашка 8
3. Люди без следов 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ян Эрлен
«Дверь на рассвете»

1. Цвет под дверью

Мартен понял, что вернулось солнце, когда увидел под дверью цвет, которого не было ни у одной лампы.

Он стоял на коленях в мастерской и выбирал из щели выпавший винт. Лампа на верстаке горела ровно, зелёным. Полоска под дверью была золотой.

Сначала он решил, что снаружи пожар. Прижал ладонь к доскам, прислушался. Ни треска, ни криков. Только дождь, который шёл с начала второй смены, и негромкое поскрипывание вывески.

Мартен прикрыл ладонью стекло лампы. Полоска не исчезла.

Золотой прямоугольник пополз по полу. В нём стали видны пыль, железная стружка и давно потерянная игла. Мартен поднял её. Он помнил, как мать искала эту иглу, ругая плохое зрение, а он обещал сделать ей лампу поярче.

За дверью стукнули.

Два раза быстро. Потом, выждав, ещё один.

Мартен перестал дышать.

Так стучал отец, когда возвращался с нижних затворов. Два удара значили «это я», третий — «руки заняты». В детстве Мартен открывал на второй, чтобы успеть забрать у него сумку.

Отца похоронили двадцать лет назад.

Мартен прислонил иглу к краю верстака. Она упала, и он не стал её поднимать.

— Кто там?

— Открой, Март. Я замёрз.

За двадцать лет голос стёрся из памяти. Мартен мог вспомнить кашель, свист сквозь выбитый зуб, отдельные слова. Но не то, как они звучали вместе. Теперь голос стоял за дверью — простой, слегка раздражённый, совсем не похожий на то, что Мартен пытался сохранить.

Он отвёл засов до половины и остановился. Под пальцами дрогнул металл. За дверью ждали; сейчас этот голос мог произнести ещё что-нибудь и стать чужим.

— Покажи руку.

Мартен снял засов и приоткрыл дверь, подперев её ногой.

В щель просунулась ладонь. Крепкая, грязная, с короткими ногтями. На большом пальце — белый шрам в форме крючка. Палец плохо сгибался: когда-то сорвавшаяся пружина рассекла сухожилие. Элиас всю жизнь придерживал им гвозди и сердился, что сын держит их иначе.

Мартен открыл.

Отец стоял на ступеньке в коротком рабочем плаще. Его волосы были мокрыми, на скуле темнел синяк. Он держал правую руку чуть в стороне, словно нёс невидимую сумку. На левом сапоге не хватало пряжки.

Мартен сам положил эту пряжку в гроб. Больше класть было нечего: тела не нашли.

За плечом отца тянулась улица Медников. В конце её, между двумя чёрными крышами, светилась узкая полоса неба. Верхушки домов были серыми, а не чёрными. Вода в канаве отливала медью. Соседка через дорогу стояла на крыльце с пустым совком и смотрела вверх. Потом перевела взгляд на Элиаса. Совок ударился о ступеньку. Она отступила в дом; за дверью щёлкнул засов.

Триста лет Нерет жил под Сводом. Чёрная оболочка выгибалась над крышами, за речными воротами уходила к воде и дальним укреплениям. Снизу в ней не было видно ни швов, ни опор. За её краем шли дожди, сменялись дни; купцы приходили в город загорелыми, а через неделю начинали жаловаться на холод.

Солнечный свет привозили в рассказах, на выцветших тканях, в жёлтых плодах, которые раз в год продавали у речных ворот. Мартен однажды держал такой плод в руках и потом неделю жалел потраченных денег. Кожура пахла так сильно, что мать велела вынести её из кухни.

Теперь свет лежал на ступеньке его дома.

Отец посмотрел вниз.

— У тебя здесь вода.

Он шагнул через порог и привычно потянул дверь на себя. Прежде чем закрыть, приподнял её за ручку — так делал всегда, чтобы нижний угол не задевал косяк.

Мартен отступил.

Дверь перестала заедать семнадцать лет назад. Он заменил петли, когда начал работать сам.

— Больше не надо приподнимать, — сказал он.

Элиас оглянулся. Только теперь, в свете лампы, он как следует увидел сына.

Посмотрел на седую прядь над ухом, на рубец у губы, на широкие ладони. Его взгляд задержался на кожаном фартуке. Фартук был отцовский, но Мартен дважды надставлял завязки.

— Сколько?

— Двадцать лет.

Элиас провёл ладонью по фартуку сына, по чужому шву на старой коже.

— Сам надставлял?

Мартен кивнул. Отец ещё держался за завязку, и пришлось кивнуть второй раз, чтобы тот отпустил.

С его плаща капало. Капли исчезали, не долетая до пола.

Наверху скрипнула кровать.

— Мартен? — позвала мать. — Кто пришёл?

Элиас закрыл глаза.

Мартен не ответил. Он всё ещё держался за ручку и чувствовал под пальцами медь, которую сам полировал каждую осень. Отец был моложе, чем ему полагалось. Всего на семь лет старше сына.

С лестницы донеслось шарканье туфель.

— Ты опять впустил заказчика до смены? Я же просила…

Анна появилась в дверях кухни. На плечи она набросила платок, волосы не успела убрать. Увидев Элиаса, она взялась за перила и переставила ногу на ступень выше, будто собиралась вернуться.

— Сними сапоги, — сказала она.

Элиас посмотрел на неё.

— Анна.

— На кухню в них не ходи.

Мартен ждал крика, обморока, хотя бы движения навстречу. Мать спустилась, отодвинула отцовскую руку от дверной ручки и заперла засов.

Потом принесла с кухни табурет. Одной рукой несла, другой придерживала сиденье, которое давно рассохлось. Мартен потянулся помочь, но мать поставила табурет сама, точно на то место, где отец всегда разувался.

Элиас сел. Он пытался расстегнуть ремешок на правом сапоге, но пальцы не слушались. Мать опустилась перед ним на колени и отвела его руку.

На большом пальце у неё тоже был шрам — тонкий, недавний, от жестяной крышки.

Она расстёгивала ремешок долго. Когда сапог наконец снялся, Анна так и осталась сидеть на полу, прижав его к животу.

2. Четвёртая чашка

Чашку отца нашли на верхней полке, за пустыми банками. Анна не выбросила её, но ручку отбила и приклеила уже после его смерти. Элиас взял чашку обеими руками.

Он не пил. Над настоем поднимался пар, а возле его рта ничего не менялось.

Мартен сел напротив. В кухне стало тесно, хотя раньше здесь помещались трое и отец всегда жаловался только на качающийся стол.

Теперь под короткой ножкой лежал сложенный кусок кожи. Элиас качнул стол, надавив на край, и заглянул вниз.

— Всё ещё…

— Не трогай, — сказала Анна. — Стоит же.

Он выпрямился. Ладони положил на колени, потом снова взял чашку.

— Где ты был? — спросил Мартен.

— Внизу.

— Где внизу?

Отец посмотрел в чашку.

— Под затворами.

Анна подвинула ему хлеб. Хлеб был вчерашний, из муки с примесью корневой мякоти. Даже теперь она срезала жёсткую корку, как делала раньше, после того как Элиас потерял зуб.

— Мы заплатили за поиски, — сказал Мартен. — Трижды. Когда перестали брать деньги, мать пошла к смотрителю. Ей сказали, искать больше негде.

— Нас нельзя было найти.

— Вы же внизу были. Там воду спускали, я видел. Меня на работы не взяли, сказали, мал ещё, но я приходил каждый…

Мартен остановился. Получалось, он оправдывался. Отец не спрашивал, хорошо ли его искали.

— Почему нельзя?

Элиас повернул чашку ручкой от себя. Анна приклеила её чуть криво, с наклоном вниз.

— Я не знаю, как тебе рассказать. Дай мне немного посидеть.

За окном кто-то засмеялся — коротко, испуганно. Потом раздался звон разбитого стекла. Мартен поднялся, но мать положила ладонь на стол.

— Сядь. На улице и без тебя люди есть.

Элиас смотрел на её руку. На широкие суставы, на кольцо, давно перетянутое ниткой: после болезни Анна похудела. Он протянул пальцы и остановился.

— Можно? — спросил он.

Она подвинула руку к нему.

Элиас осторожно просунул палец под кольцо.

— Снять бы. Я разожму.

— Не надо. Оно не давит.

— Нитка-то для чего?

— Чтобы не сваливалось.

Он отпустил кольцо, оставил ладонь на её пальцах. Мартен отвернулся к печи и стал поправлять заслонку, которая и так была закрыта.

К началу смены в этом доме всё должно было быть убрано со стола. Анна ставила воду для настоя, Мартен открывал ставни, чтобы выпустить дым, и первым делом проверял замки, принесённые накануне. Сейчас на верстаке лежала незаконченная работа. Из кухни были видны обе двери, и Мартен всё равно поглядывал туда, словно уже позвали.

— Март, — позвал отец.

Сын обернулся слишком быстро.

— Что?

— Ты там долго ещё? Садись.

Мартен положил тряпку на край печи. Шёл к столу и вдруг остановился.

— Скажи ещё раз.

Элиас непонимающе посмотрел на него.

— Как позвал.

Отец потёр ладонь о колено.

— Март, садись уже. Настой остынет.

Мартен улыбнулся и придвинул стул. Анна подвинула его чашку.

— Он и холодный пьёт. Всю жизнь приходится напоминать.

— Потому что ты наливаешь до краёв, — сказал сын. — Пока донесу, половина на руке.

— Значит, не надо носить. Здесь пей.

Элиас подвинулся, освобождая край стола. Мартен сел рядом с ним, плечом к плечу, и выпил. Анна держала руку мужа. Они смотрели друг на друга; говорить пока было необязательно.

Ни одна лампа не погасла. Их зелёный свет стал бледным и ненужным. Впервые было видно, что стена за печью не серая, а жёлтая. На ней остался тёмный прямоугольник от давно снятой полки.

В дверь ударили кулаком.

Анна не отпустила руку мужа.

На пороге стояла Рута, в непромокаемом переднике поверх куртки. Волосы стянуты шнурком, на щеке белела свежая царапина. В одной руке она держала фонарь, хотя на улице уже можно было обходиться без него.

— Нужен твой длинный рычаг, — сказала она. — Которым колесо в маслобойне сдвигал. И железные клинья. В старом водосбросе вода.

Мартен вынул инструменты из шкафа.

— Вода?

— Пока по щиколотку. По старому ходу течёт. Вчера там пыль была, а сейчас на третьей свае метку уже съело. Два пальца за час. Я твою ставню видела открытой, думала, ты сам всё слышал.

Рута перехватила фонарь.

— Давай собирайся. Варн гонит всех к затворам, даже красильщиков.

Она заглянула за его плечо.

Фонарь медленно опустился.

Элиас встал из-за стола.

— Рута?

Она не двинулась.

— Вы помните меня?

— У Ивара была дочь. Ты…

— Есть, — сказала Рута. — Я есть. А он?

Отец Мартена замолчал.

Рута подошла к кухонному столу, не снимая мокрого передника. Анна выпустила руку мужа и потянулась за четвёртой чашкой.

— Не нужно, — сказала Рута. — Вы его видели?

Элиас опустил голову.

— Там темно.

— Вы были вместе. В списке вашей смены двадцать три имени. Его имя сразу после вашего. Ивар Сольт. Я могу сказать целиком, вдруг забыли.

— Я не забыл.

— Тогда где он?

В дверь снова постучали. На этот раз — размеренно, костяшками пальцев.

Рута шагнула к Элиасу, словно боялась, что он успеет исчезнуть, пока Мартен открывает.

Смотритель Варн пришёл без шлема, в обычном сером пальто. Воротник был застёгнут криво. За ним стояли двое стражников, совсем молодые. Вместо оружия они принесли багры — длинные деревянные шесты с железными крюками, какими оттаскивали брёвна от речных решёток. У одного из них дрожала щека.

Варн посмотрел на Элиаса, потом на чашки.

— Хорошо, что вы дома.

— Это вы ему скажите, — ответила Анна.

Смотритель снял перчатки.

— Мастер Ров, до девятого удара часов вашего отца нужно привести в Дом затворов.

Мартен положил ладонь на край двери.

— Зачем?

— В Доме собирают людей. У старого колокола треснул язык. Ночью звон оборвался, удержание начало расходиться.

— Какое удержание?

Варн посмотрел на освещённую стену, потом на Элиаса.

— То, которое до сих пор держалось. Я понимаю, у вас вопросы. На часть отвечу по дороге.

Мартен не убрал руки с двери.

— При чём здесь отец?

— Он вышел, когда колокол замолчал.

— Вы знали, где он?

— Знал.

Анна резко встала. Чашка покатилась по столу, но Элиас успел её поймать.

— Вы знали, — повторила она. — Когда я приходила. Вы сидели за столом, ели грушу и говорили мне, что тела унесло.

Варн не стал отпираться.

— Река действительно унесла тела.

Рута поставила фонарь на пол.

— Что будет после девятого удара?

— К девятому подойдёт верхняя вода. У вас в подвале сухо?

Мартен не ответил. Смотритель потёр пальцем переносицу.

— Когда я выходил из Дома, на нижней отметке было уже на ладонь выше ночного. Нам надо вернуть их к работе до этого часа.

— К какой работе? — спросил Мартен.

Смотритель посмотрел на отца. Тот аккуратно поставил чашку на место.

— Проводите меня один, — сказал Элиас.

— Нет, — ответил Мартен.

Варн кивнул, будто именно этого ожидал.

— Тогда идите оба. Наверху повреждено крепление колокола, без мастера не обойдёмся. Возьмите инструменты, вам откроют нижнюю лестницу.

Он вынул из кармана жестяную пластинку на шнурке и положил на край верстака.

— А если мы не придём?

— Придут за вами. Но я предпочёл бы занять этих людей у воды.

Варн уже повернулся, когда Анна спросила:

— До девятого сколько?

— Чуть меньше шести часов.

Она забрала у мужа чашку и вылила нетронутый настой в раковину.

— Тогда вы могли бы хотя бы дать ему допить.

Смотритель на секунду закрыл рот ладонью. Не нашёл ответа, надел перчатки и ушёл.

Мартен набивал сумку. Клал самое тяжёлое, потом вытаскивал и перекладывал наверх. Между молотком и клещами уложил плоские железные клинья: их вбивали в узкую щель, когда требовалось раздвинуть намертво севшие детали. Отец подал длинный рычаг — железный прут с загнутым плоским концом. Раньше он был тяжёл для Мартена, и Элиас носил его сам. Теперь сын взял прут одной рукой.

Анна застегнула на отце плащ. У ворота не хватало пуговицы; она потянулась к коробке с нитками и остановилась.

— Вернитесь, — сказала она.

— Мы только посмотрим, что там, — ответил Мартен.

Он говорил матери, но смотрел на отца.

Когда затягивал сумку, из бокового кармана выпал тонкий крючок. Им вытягивали пружины из замков, куда не проходили пальцы. Отцовский. Мартен давно купил себе удобнее, а этот так и возил среди мелкого железа. Поднял, сунул обратно и на этот раз застегнул карман.

3. Люди без следов

На улице пахло мокрой пылью. Мартен остановился у стены, на которую падал свет, и коснулся камня. Тот уже начинал нагреваться. Он провёл ладонью дальше, под карниз: там было холодно.

Свет не становился ярче. Полоса над восточными крышами оставалась на месте, а над остальным городом висела тёмная, едва просвечивающая оболочка. По её краю время от времени пробегала дрожь, похожая на движение масляного пятна по воде.

Улица Медников сбегала от красильной высоты к реке. За рядами складов поднималась башня Дома затворов; ещё дальше, скрытый домами, лежал залив. Мартен всю жизнь слышал по ночам воду и по её гулу узнавал, какие щиты подняты. Сейчас со стороны Дома доносился ровный тяжёлый шум, которого он прежде не слышал.

Дальше пристаней Мартен не бывал. В молодости хозяин караванной мастерской звал его на юг: нужны были руки, способные чинить тележные замки. Анна тогда ещё по вечерам оставляла засов открытым. Мартен сказал, что поедет после зимы. Потом у матери заболели ноги, потом умер хозяин каравана. Теперь на дорогу пришлось бы продать мастерскую, а нового верстака никто на юге не обещал.

У соседней двери мальчишка пытался погасить уличную лампу. Фонарь стоял высоко; мальчишка тянулся к кранику с перевёрнутого ведра. Мать держала его за пояс.

— Оставь, — сказал Мартен. — Свалишься.

— Так масло же, — ответила женщина. — До выдачи ещё три дня.

Она посмотрела на Элиаса и замолчала. Спустила мальчишку с ведра, увела за порог. Лампа осталась гореть. Мартен знал её лет пятнадцать. Сейчас он не мог вспомнить имени.

По всей улице люди занимались обычными делами с непривычной торопливостью. Пекарь выставил на подоконник противень — хотел разглядеть, хорошо ли поднялось тесто. Двое учеников несли с пристани корзины с кореньями и всё останавливались. Женщина у красильного чана вынула мокрую ткань, развернула перед собой и закричала, чтобы хозяйка шла смотреть: заказной серый оказался зелёным.

Муку и овощи в Нерет привозили по реке. Отсюда увозили крашеную шерсть, замки, медную посуду. На верхних улицах стояли сухие склады и хорошие дома; вниз спускались работать и оставались жить те, кому было нечем заплатить за подъём. Мартен ещё мальчиком спросил, почему они не построят дом возле красилен. Отец показал ему счёт за камень. Счёт был длиннее, чем список вещей в их доме.

Рута шла впереди, держа железный рычаг вдоль плеча. У насосной площади собралась толпа. Кто-то ещё смотрел на небо; остальные оборачивались на крики у лавок.

У закрытой лавки стояла женщина в длинной одежде старого покроя. Ткань когда-то была полосатой, но теперь казалась вымоченной добела. Она держала на руках свёрток.

— Я Лиэна, — говорила она. — Здесь жил мой брат. У него красные волосы. Он шьёт паруса.

Хозяин лавки, маленький человек с перевязанной головой, отвечал:

— Здесь сорок лет торгуют маслом. Я от отца получил. Вы адрес перепутали.

Женщина повторяла вопрос с самого начала. Потом поправила свёрток. Из ткани выскользнул конец толстой верёвки, за ним показалось ржавое кольцо. Она несла туго скатанный парус.

— Лиэна, — повторила она. — Спросите его. Он скажет, что я здесь жила.

Хозяин лавки оглянулся на дверь, из-за которой выглядывала его жена, и положил ключ в карман.

На ткани висела такая же вода, как на отцовском плаще: капли обрывались в воздухе.

У колодца толстый старик обнимал мужчину в рабочей рубахе. Они выглядели ровесниками, но старик называл его дедом. Мартен услышал это и невольно повернулся к Элиасу.

Отец шёл, не поднимая головы.

— Они все с затворов?

— Не только. С укреплений. С нижних галерей. Некоторые ещё насыпи держали, до первых затворов.

— И сколько вас?

— Я считал удары. Людей не считал.

В переулке Рута остановилась.

— Я поведу по старому водосбросу. У главных ворот сейчас не пройти.

Она подняла кованую решётку, освободила ступени и показала вниз. Из пролома потянуло сыростью.

— Там сухо? — спросил Мартен.

— Было. До сегодняшнего утра.

У лестницы валялась кирпичная пыль. Мартен видел этот ход каждый день, но не думал, что он ведёт куда-то дальше подвала. Под улицей открылся канал, достаточно широкий для двух телег. Его дно шло полого вниз, к белеющей вдалеке решётке. В стенах сохранились кольца для лодочных канатов. Над головой гудели шаги.

Вода текла тонкой струёй посередине. Уходила туда же, куда склонялась улица, — к заливу. Только здесь, под домами, течение ещё оставалось свободным. Мартен нагнулся: на кирпичах темнела старая полоса, много выше его головы.

— Когда его закрыли? — спросил он.

— По частям закрывали. Раньше этим рукавом отводили воду от крепости прямо в залив. Потом решётку у залива заложили, чтобы приливом не тянуло. Сверху поставили склады, дома. Отец ещё показывал мне старые кольца и говорил: тут лодка проходила. Я думала, он про какие-то другие времена.

Рута ткнула концом рычага в стену, туда, где из раствора выступал край замурованного кольца.

— А по меткам вода всё равно сюда просится. Каждую весну.

— Нам в школе говорили, Свод держит верхнюю воду, — сказал Мартен. — А вы всё метки меряете.

— Верхняя вода — у крепости. Река там выше Медников. А здесь низина, — сказала Рута. — Посмотри, куда дно идёт.

Рута остановилась возле кольца и приложила ладонь к влажному кирпичу.

— Отец водил меня сюда до того, как я стала мерщицей. Показывал, где кладку подмывает. Теперь я каждый год пишу: здесь сыро, тут просело. На бумаге всё помещается. Домам от неё легче не делается.

— Ты знала, что там происходит?

Она посмотрела на Элиаса.

— Нет. Нам говорят: нижняя служба. Думала, живые сменяются. Отец в неё уходил, дед уходил. Если бы я знала…

Она замолчала и пошла дальше. Мартен поднял фонарь: на миг ему показалось, что вода стала выше, пока они стояли.

— Мой дом над этим ходом?

Рута посмотрела на него.

— Твой первый. Потом мой. До рыбного рынка всё стоит в старом русле.

Она пошла дальше.

Элиас коснулся плеча сына. Его пальцы были холодными, но тяжёлыми — вполне настоящая рука.

— Март. Там, в Доме, будет медная полоса. В ней двадцать три маленькие пластинки. На каждой имя.

— И твоё?

Отец кивнул.

— Мою можно вынуть. Если отогнуть края, только мою. Тогда меня не потянет обратно, когда они зазвонят. Дойду до матери. Побуду с ней сколько останется. Ты сумеешь.

Мартен остановился.

Рута продолжала идти впереди. Мартен понизил голос.

— А остальные?

— У них есть время.

Отец сказал это быстро, будто слова много раз повторялись в его голове и стали гладкими.

— У матери времени нет. Я её видел, Март. Я не знал, сколько прошло. У остальных… Мы потом найдём способ.

— Твой способ — вынуть только тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.